

Татхагата как персонаж словесного поединка

Е. Г. Выршиков

Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5240-8871>, e-mail: bimbisara@yandex.ru

Резюме: данная статья рассматривает особую связь *татхагаты* с «говорением правды». Ценный материал для изучения этой связи в деталях нам предоставляют сутры «Дигха-никаи». И именно в этих деталях *татхагата* чрезвычайно схож с неким персонажем ранних упанишад («Брихадараньяка-упанишада» и «Чхандогья-упанишада»), называемым *браhmиштха*. Это персонаж загадочный, в более поздней брахманистской и индуистской традиции он не закрепляется. В статье делается предположение, что термин *татхагата* в древности был общеиндийским, лишь впоследствии закрепившимся исключительно в буддистских текстах, *браhmиштха* же был и остался периферийным термином, а обозначаемый им персонаж – героем локальной традиции.

Ключевые слова: брахманы; буддизм; палийский канон; татхагата; упанишад; шраманы

Для цитирования: Выршиков Е. Г. *Татхагата* как персонаж словесного поединка. *Ориенталистика*. 2019;2(1):51–61. DOI: 10.31696/2618-7043-2019-2-1-51-61.

The tathagata as the character of verbal duel

Ye. G. Vyrshikov

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5240-8871>, e-mail: bimbisara@yandex.ru

Abstract: this article considers the special relationship of the Tathagata with “speaking truth”. Valuable material for studying this relationship in detail we take from the Sutras of “Digha-Nikaya”. And in these parts the Tathagata is extremely similar to a certain character of early Upanishads (“Brihadaranyaka Upanishad” and “Chandogya Upanishad”), who called *brahmishtha*. This character is mysterious, in the later Brahministic and Hinduistic traditions it is not fixed. The article makes the assumption that *Tathagata* was in the ancient pan-Indic term, only subsequently established exclusively for Buddhism, *brahmishtha* was and remained a peripheral term, the hero of local traditions.

Keywords: brahmanas; Buddhism; shramanas; Tathagata; the Pali Canon; Upanishads

For citation: Vyrshikov Ye. G. The *tathagata* as the character of verbal duel. *Orientalistica*. 2019;2(1):51–61. DOI: 10.31696/2618-7043-2019-2-1-51-61.

Введение

В одной из прошлых работ автора [1], которая посвящалась теме татхагаты и ситуации словесного поединка в Древней Индии, было установлено, что татхагата – не просто некое прозвище Будды Шакьямуни (как и всех прочих будд будущего и прошлого). На основании эпизода из «Махапариниббана-сутты»¹ автор не только уточнил этимологию слова *татхагата*, но и предположил, что термин обозначает специфическое свойство будд, связанное с говорением правды. Было показано, что в палийских списках «качеств» Будды Шакьямуни он стоит особняком по отношению к «качествам» *будда* и *архат*, а значит, эти слова не являются полными синонимами. Надо иметь в виду, что данные «списки качеств Будды» имеют древнее допалийское происхождение. Их источником является «перечисление имен Будды» и «перечисление имен будд» – гипотетический древнейший вид буддийской литературы, развившийся в махасангхике и махаяне в несколько ином направлении, нежели в палийском каноне (см.: [2; 3]).

Ошибочно, однако, думать, что данное утверждение о связи свойства «татхагатовости» с говорением правды – лишь плод реконструкции. Палийская «Амбаттха-сутта» (DN, I.3) прямо (т.е. прямой речью Будды и последовавшими событиями в повествовании) описывает связь *татхагаты* с правдивым речением; связь, впрочем, иного рода, нежели в «Махапариниббана-сутте»: здесь неправдивый ответ на вопрос татхагаты, или уклонение от ответа, или даже просто молчание могут иметь печальные последствия для отвечающего. Вопросание татхагаты требует правдивого прямого ответа. Рассмотрим отрывок из данной сутры (DN, I.3.1):

16. *Atha kho Bhagavato etad ahoṣi – “Atibāḷhaṃ kho ayaṃ Ambaṭṭho māṇavo Sakyesu ibbha-vādena nimmādeti. Yaṃ nūnāhaṃ gottaṃ puccheyya”nti. Atha kho Bhagavā Ambaṭṭhaṃ māṇavaṃ etad avoca – “Kathaṃ-gotto ‘si, ambaṭṭhā”ti? “Kaṇhāyano ‘haṃ asmi, bho Gotamā”ti. Porāṇaṃ kho pana te Ambaṭṭha mātāpettikaṃ nāma-gottaṃ anussarato ayya-puttā Sakyā bhavanti; dāsi-putto tvam asi Sakyānaṃ. Sakyā kho pana, Ambaṭṭha, rājānaṃ Okkākaṃ pitāmahaṃ dahanti.*

“Bhūta-pubbaṃ, Ambaṭṭha, rājā Okkāko yā sā mahesī piyā manāpā, tassā puttassa rajjaṃ pariṇāmetukāmo jeṭṭha-kumāre raṭṭhasmā pabbājesi – Okkāmuḥhaṃ Karaṇḍuṃ Hatthinīyaṃ Sinipuraṃ. Te raṭṭhasmā pabbājitā Himavanta-passe pokkharāṇiyā tīre mahāsāka-saṇḍo, tattha vāsaṃ kappesuṃ. Te jāti-sambheda-bhayā sakāhi bhaginīhi saddhiṃ saṃvāsaṃ kappesuṃ.

“Atha kho, Ambaṭṭha, rājā Okkāko amacce pārisajje āmantesi – ‘kahaṃ nu kho, bho, etarahi kumārā sammantī”ti? ‘Atthi, deva, Himavanta-passe pokkharāṇiyā

¹ DN, II.3, 1.

tīre mahāsāka-saṅḍo, tatthetarahi kumārā sammanti. Te jāti-sambheda-bhayā sakāhi bhaginīhi saddhiṃ saṃvāsaṃ kappenti'ti. Atha kho, Ambaṭṭha, rājā Okkāko udānaṃ udānesi – 'Sakyā vata, bho, kumārā, parama-sakyā vata, bho, kumārā'ti. Tadagge kho pana Ambaṭṭha Sakyā paññāyanti; so ca nesaṃ pubba-puriso.

"Rañño kho pana, Ambaṭṭha, Okkākassa Disā nāma dāsī ahoṣi. Sā kaṇhaṃ janesi. Jāto Kaṇho pabyāhāsi – 'dhovatha maṃ, amma, nahāpetha maṃ amma, imasmā maṃ asucismā parimocetha, atthāya vo bhavissāmi'ti. Yathā kho pana Ambaṭṭha etarahi manussā pisāce disvā 'pisācā'ti sañjānanti; evaṃ eva kho, Ambaṭṭha, tena kho pana samayena manussā pisāce 'Kaṇhā'ti sañjānanti. Te evaṃ āhaṃsu – 'ayaṃ jāto pabyāhāsi, Kaṇho jāto, pisāco jāto'ti. Tadagge kho pana, Ambaṭṭha Kaṇhāyanā paññāyanti, so ca Kaṇhāyanānaṃ pubba-puriso. Iti kho te, Ambaṭṭha, porāṇaṃ mātāpettikaṃ nāma-gottaṃ anussarato ayya-puttā Sakyā bhavanti, dāsī-putto tvam asi Sakyāna"nti.

<...>

20. *Atha kho Bhagavā Ambaṭṭhaṃ māṇavaṃ etadavoca – "Ayaṃ kho pana te, Ambaṭṭha, sahadhammiko pañho āgacchati, akāmā vyākātabbo. Sace na vyākarissasi, añña vā aññaṃ paṭicarissasi, tuṅhī vā bhavissasi, pakkamissasi vā etth' eva te sattadhā muddhā phalissati. Taṃ kiṃ maññasi, Ambaṭṭha, kin ti te sutāṃ brāhmaṇānaṃ vuddhānaṃ mahallakānaṃ ācariya-pācariyānaṃ bhāsamānānaṃ kuto pabhutikā Kaṇhāyanā, ko ca Kaṇhāyanānaṃ pubba-puriso"ti?*

Evaṃ vutte, Ambaṭṭho māṇavo tuṅhī ahoṣi. Dutiyam pi kho Bhagavā Ambaṭṭhaṃ māṇavaṃ etad avoca – "taṃ kiṃ maññasi, Ambaṭṭha, kin ti te sutāṃ brāhmaṇānaṃ vuddhānaṃ mahallakānaṃ ācariya-pācariyānaṃ bhāsamānānaṃ kuto pabhutikā Kaṇhāyanā, ko ca Kaṇhāyanānaṃ pubba-puriso"ti? Dutiyam pi kho Ambaṭṭho māṇavo tuṅhī ahoṣi.

Atha kho Bhagavā Ambaṭṭhaṃ māṇavaṃ etad avoca – "vyākarohi idāni Ambaṭṭha, na dāni, te tuṅhī-bhāvassa kālo. Yo kho, Ambaṭṭha, Tathāgatena yāva tatiyakaṃ sahadhammikaṃ pañhaṃ puṭṭho na vyākaroti, etth' ev' assa sattadhā muddhā phalissati"ti.

21. *Tena kho pana samayena vajirapāṇī yakkho mahantaṃ ayo-kūṭaṃ ādāya ādittaṃ sampajjalitaṃ sajotibhūtaṃ Ambaṭṭhassa māṇavassa upari vehāsaṃ ṭhito hoti – "Sacāyaṃ Ambaṭṭho māṇavo Bhagavatā yāva tatiyakaṃ sahadhammikaṃ pañhaṃ puṭṭho na vyākarissati, etth' ev' assa sattadhā muddhaṃ phālessāmi"ti. Taṃ kho pana vajirapāṇiṃ yakkhaṃ Bhagavā ceva passati Ambaṭṭho ca māṇavo.*

Atha kho Ambaṭṭho māṇavo taṃ disvā bhīto saṃviggo loma-haṭṭha-jāto Bhagavantaṃ yeva tāṇaṃ gavesī Bhagavantaṃ yeva leṇaṃ gavesī Bhagavantaṃ yeva saraṇaṃ gavesī – upanisīditvā Bhagavantaṃ etad avoca – "kim etaṃ bhavaṃ Gotamo āha? Puna bhavaṃ Gotamo brumetū"ti.

"Taṃ kiṃ maññasi, Ambaṭṭha? Kin ti te sutāṃ brāhmaṇānaṃ vuddhānaṃ mahallakānaṃ ācariya-pācariyānaṃ bhāsamānānaṃ kuto-pabhutikā

Kaṇhāyaṇā, ko ca Kaṇhāyaṇānaṃ pubba-puriso”ti? “Evam eva me, bho Gotama, sutam yatheva bhavaṃ Gotamo āha. Tato-pabhutikā Kaṇhāyaṇā; so ca Kaṇhāyaṇānaṃ pubba-puriso”ti.

Авторский перевод фрагментов текста

16. Бхагаван же так [про себя] сказал: «Мощно, воистину, этот манаве Амбаттха шакьям Речью [поношения] иббхов (1) врзал. А спрошу-ка я о его роде (готре (2))». Тогда Бхагаван так сказал манаве Амбаттхе: «Какого рода ты, Амбаттха?»

«Я – Канхаяна, почтенный Готама».

«Если, Амбаттха, вспомнить изначальное имя рода твоей матери и отца, то шакьи – дети кшатриев, а ты – сын рабыни шакьев. Ведь шакьи, Амбаттха, [своим] предком царя Оккаку считают. Некогда, Амбаттха, царь Оккака (3), желая передать царство сыну [своей] приятной и очаровательной главной царицы, старших царевичей из страны выслал бродяжничать, – Оккамукку, Каранду, Хаттхинию, Синипуру. Из страны уйдя бродяжничать, на склоне Гималаев, на берегу лotosового пруда, в большой роце деревьев шака – там они зажили. Они, из опасения смешения каст и племен (4) со своими сестрами вступили в сожительство».

Тогда, Амбаттха, царь Оккака к сановникам, членам совета обратился: «Где теперь, почтенные, пребывают царевичи?»

«Есть, божественный, на склоне Гималаев, на берегу лotosового пруда, большая роца деревьев шака – там они зажили. Они, из опасения смешения каст и племен со своими сестрами вступили в сожительство».

И тут, Амбаттха, царь Оккака с криком выдохнул: «Воистину, почтенные, шакьи [те] царевичи; наивысшие [из] шакьев, воистину, почтенные, [те] царевичи!»

С тех пор, Амбаттха, шакьи [в миру] известны. Он же – [царь Оккака] – родоначальник шакьев. У царя Оккаки, Амбаттха, была рабыня по имени Диса. Она черного [младенца] родила. Новорожденный Канха (Черный) [тут же] заголосил: «Омой меня, мама, искупай меня, мама, от этой нечистоты освободи меня, мама, я буду вам полезен». Воистину, Амбаттха, как люди называют теперь демонов демонами, точно так же, Амбаттха, люди называли в то время демонов «черными». Они так говорили: «Этот новорожденный [тут же] заголосил. “Черный” родился, демон родился!» С тех пор, Амбаттха, Канхаяны (“от Черного происходящие”) [в миру] известны. Он же [– Черный –] родоначальник Канхаянов. Воистину так, Амбаттха, если вспомнить изначальное имя рода твоей матери и отца, то шакьи – дети кшатриев, а ты – сын рабыни шакьев.

<...>

20. Тогда Бхагаван Амбаттхе-манаве так сказал: «Итак, тебе, Амбаттха, задан вопрос, связанный с дхармой, [и] из бесстрастности

[должен исходить твой] ответ. Коли не ответишь [правдиво], или будешь блуждать в противоречиях, [уходя от прямого ответа], или безмолвным пребудешь, или уйдешь прочь – тогда голова твоя расколется на семь частей. Так что ты думаешь об этом, Амбаттха? Что тобою услышано из бесед высших [по положению] старых брахманов, учителей твоих учителей – откуда происходит [готра] Канхаяна, и кто первопродок Канхаянов?»

Так было сказано, [но] Амбаттха-манавя пребывал безмолвным. Тогда Бхагаван вторично Амбаттхе-манаве так сказал: «Что ты думаешь об этом, Амбаттха? Что тобою услышано из бесед высших [по положению] старых брахманов, учителей твоих учителей – откуда происходит [готра] Канхаяна, и кто первопродок Канхаянов?» Но и вторично Амбаттха-манавя был безмолвен.

Тогда Бхагаван Амбаттхе-манаве так сказал: «Отвечай сейчас же, Амбаттха, нет у тебя уже времени на молчание. Ведь, Амбаттха, кто, Татхагатой трижды спрошенный, на вопрос, связанный с дхармой, не отвечает – у того голова на семь частей расколется».

21. И в этот момент якша Ваджирани (5) с огромным железным молотом – горящим, в [языках] пламени, пылающим – над Амбаттхой-манавой в воздухе является [с такой мыслью]: «Если этот Амбаттха-манавя, Бхагаваном трижды спрошенный, на вопрос, связанный с дхармой, не ответит – голову ему на семь частей расколю». И того якшу Ваджирани так [представшим] и Бхагаван видит, и Амбаттха-манавя. И когда Амбаттха-манавя увидел того [якшу] – напуганный, смятенный, с поднявшимися дыбом [от ужаса] волосами на теле (6), защиты у Бхагавана ищущий, укрытия у Бхагавана ищущий, прибежища (7) у Бхагавана ищущий, припав к ногам Бхагавана, [он] так заговорил: «Что это [такое] почтенный Готама сказал? Да повторит почтенный Готама еще раз».

«Что ты думаешь об этом, Амбаттха? Что тобою услышано из бесед высших [по положению] старых брахманов, учителей твоих учителей – откуда происходит [готра] Канхаяна, и кто первопродок Канхаянов?»

«Так то мною и услышано, почтенный Готама – как сказал почтенный Готама, таково происхождение [готры] Канхаяна, и он [– Черный –] первопродок Канхаянов».

Комментарий:

(1) Речи [поношения] иббхов (пал. **ibbha-vāda**) связаны с предшествующими событиями в тексте сутры, где Амбаттха поносит Будду как «черного простолюдина» (пал. **kaṇha/ kiṇha ibbha**);

(2) Готра (пал. **gotta**) – здесь: брахманский род, имеющий общего мужского первопродка-основателя;

(3) Оккака (пал. **Okkāka**) – по-видимому, Икшваку, основатель легендарной Солнечной династии;

(4) Пал. *jāti-sambheda-bhaya* (букв. 'боязнь смешения каст') – из текста трудно судить, подразумевается ли здесь именно закон несмешения каст (*jāti*), или речь идет об обычной для Индии племенной эндогамии, либо имеется в виду и то и другое одновременно (контекст позволяет думать и так);

(5) *Якши* – в древности: боги и богини племен Северо-Восточной Индии, где, по-видимому, изначально не поклонялись *дэвам*; вероятно, благодаря распространению буддизма, джайнизма, а также диффузии племен получили общеиндийское распространение; *Ваджиранин* (пал. *vajirapāṇin*) буквально означает 'державший в руках ваджру' и, возможно, не является личным именем (в «Махабхарате», например, это просто эпитет Индры); роль *ваджры* в данном тексте играет пылающий молот;

(6) ...с поднявшимися дыбом... волосами на теле... – стандартное описание крайней степени возбуждения в текстах Древней Индии;

(7) К категории *saraṇa-* ('прибежище') относятся «три прибежища» буддиста (Будда, Дхарма, Сангха); значит, ища у Будды прибежище этого рода, Амбаттха признает самого Будду в качестве такового прибежища.

В целом сюжет этой сутры связан с полемикой, навязанной Будде Амбаттхой, учеником брахмана Поккхарасади. Полемика эта, однако, странного свойства. Она не касается никаких вопросов вероучения и в доказательной части не содержит никаких философско-спекулятивных приемов. В начале в своих обвинительных речах (так называемых *иббхавадах*) Амбаттха обличает Будду как «черного иббху (простолюдина)», и как бы подразумевается, что «черный» не может учить дхарме по определению, так как распространяет в миру лишь «несуразность». Ответ Будды (именно он дан в переводе) и вовсе с тройным дном. Он отвергает низкокастовое происхождение шакьев и попутно припоминает самому Амбаттхе его происхождение от «черного». Однако это лишь ловушка. Как покажут дальнейшие события в сутре, происхождение Амбаттхи от Канхи («черного») никакого отрицательного значения для Будды не имеет («*тот Канха был великим риши*» (DN, I.3.1, 23)). Происхождение готры Канхаяна интересует Будду лишь постольку, поскольку позволяет (почти буквально) выколотить из Амбаттхи правдивый ответ на очень неудобный вопрос (Амбаттха на него отвечать не собирался), и так продемонстрировать и ему, и прочим манавам, что Готама воистину Татхагата и Будда, и именно это дает ему право проповедовать дхарму (этот эпизод выделен в тексте и переводе, см. выше). В пользу именно такой трактовки эпизода говорит и завязка сутры, когда брахман Поккхарасади посылает ученика своего Амбаттху проверить, не явился ли в мир «великий человек»-*махапуруша* (пал. *mahāpurisa*) в соответствии с доктриной локаятиков, а также эпизод, в котором Амбаттха пытается проверить, обладает ли Будда всеми трид-

цатью двумя чертами-лакшанами (пал. **lakkhana**), свойственными *махапуруше* (опять же в соответствии с доктриной локаятиков (DN, I.3.1, 4–5)). В результате даже у Амбаттхи, изначально уверенного в обратном, не остается сомнений: находящийся перед ним шраман Готама в соответствии с доктриной локаятиков – *махапуруша*, в соответствии со шраманскими представлениями – Будда и Татхагата.

Таким образом, при рассмотрении данной проблемы субъектно-объектный подход неприменим. Татхагата не только источник правды, но и ее страж, блюститель. Не только сам Татхагата не скажет неправды, но и в ответ на его вопрос нельзя ни сказать неправду, ни утаить правду тем или иным способом («кто, Татхагатой трижды спрошенный, на вопрос, связанный с дхармой, не отвечает – у того голова на семь частей расколется», см. выше). И хотя термин *татхагата* сугубо буддийский, во-первых, раннебуддийские тексты, как и ашокинская эпиграфика указывают на добуддийское происхождение терминов *будда*, *татхагата*, *архат*; а во-вторых, сам персонаж с подобными характеристиками появляется уже в ранних упанишадах. И некоторые детали сюжетов упанишад обнаруживают удивительное сходство с «Дигха-никая».

Рассмотрим эпизод из «Брихадараньяка-упанишады», содержащий важные для нас аналогии (BrhU, III). Это словесная схватка брахмана Яджнявалкьи с учеными брахманами стран Куру-Панчала, состоявшаяся при дворе благочестивого Джанаки, царя Видехи. Схватка разгорается из-за того, что Яджнявалкья уводит со двора царя Джанаки особое стадо коров, предназначенных *пребывающему сознанием в наивысшей сути Брахмана* (скр. **brahmīṣṭha**-). Прочие брахманы возмущаются таким поступком, и неспроста: некоторые признаки указывают на экстраординарный статус этого стада. Имеется в виду вовсе не его материальная ценность, хотя и она очень велика: коров тысяча, и к рогам каждой прикреплено по десять пад золота. Но дело и не в столкновении амбиций, и даже не в том, что Яджнявалкья «взял не по чину». В речах брахманов изредка проскальзывает священный ужас от совершенного Яджнявалкьей поступка – вот что самое интересное. Поэтому в данном вопросе следует разобраться особо. Перечислим по порядку те места текста, которые касаются этой проблемы и могут показаться необычными, благо их немного.

Первое, что надо отметить: в ответ на предложение Джанаки брахманам взять это стадо тому, кто является *брахмиштха* – молчание (BrhU, III.1, 2), все дружно отказываются от такой чести (кроме Яджнявалкьи, естественно). И лишь после того как ученик Яджнявалкьи уже угоняет это стадо, а на вопрос брахманов самому Яджнявалкье, вправду ли он считает себя *брахмиштхой*, тот отвечает дерзкой шуткой, очень похожей на вызов, – только тогда разгорается словесная схватка.

Итак, завязка сюжета (а значит, и всей полемики) происходит вокруг проблемы – является ли Яджнявалкья *брахмиштхой*? Однако, как уже

говорилось, дело тут не в личных амбициях. Как покажет следующий эпизод, *брахмиштха* вообще фигура экстраординарная и, кроме того, находится в сакральной связи (и очень конкретной притом) с угоняемым стадом.

То есть, по мнению брахманов (а в их глазах Яджнявалкья *брахмиштхой* не является), угоняя такое стадо (скр. **Brahmagavīr** – '[стадо] коров, [принадлежащих] брахмиштхе' или просто 'коровы Брахмана'), Яджнявалкья совершает святотатство, кара за которое неминуема. Так что, как и покажут последующие события, перед нами бой не за личные амбиции, а за веру. О последнем ясно говорит Уддалака Аруни (BṛhU, III.7), когда обещает Яджнявалкье, что того ждет за угон подобных коров («коров Брахмана»), если тот не ответит немедленно на вопрос Уддалаки: *...твоя голова отвалится... (...mūrdhā te vipatiṣyati...)*. Значит, перед нами не обычный спор об основах вероучения: здесь каждый вопрос несет для Яджнявалкьи нешуточную опасность.

Однако подобная угроза встречается в эпизоде словесного боя не единожды. Еще до упомянутой брахманы эта угроза звучит в брахмане, описывающей первую схватку Яджнявалкьи с Гарги Вачакнави (BṛhU, III.6). Гарги в числе прочего интересна тем, что, в отличие от остальных спорщиков, активно использует спекулятивные приемы ведения полемики. Здесь, последовательно вопрошая Яджнявалкью о первоосновах тех или иных сущностей мироздания, она пытается завести противника в «дурную бесконечность». Яджнявалкья послушно, как может показаться, следует за ее вопросами, но когда она спрашивает о первооснове Брахмана, вдруг вместо ответа обрывает ее угрозой: *ты должна прекратить задавать вопросы о первооснове Брахмана ...дабы голова твоя не отвалилась... (...mā te mūrdhā vyapaptat...)*. После этого Гарги замолкает, схватка окончена. Что ее так испугало, станет ясно далее: головы в итоге лишается вступивший в схватку последним Видагдха Шакаля, так и не признавший Яджнявалкью *брахмиштхой*, несмотря на свое очевидное поражение.

Вачакнави, надо заметить, персонаж в данной адхьяе очень важный. Ей одной дозволяется вступить в схватку не один раз, а дважды; именно она после вторичного поражения предостерегает брахманов от продолжения боя (ее послушался только Видагдха Шакаля, в итоге поплатившийся *головой*). Известно о ней, правда, столько же, сколько о большинстве спорящих (то есть только то, что она из рода Вачакну). Однако то, что известно о двух из участников полемики (сам Яджнявалкья не в счет), заставляет полагать, что авторами упанишады здесь для словесного боя собраны избранные. Что касается самого боя, трудно сказать, происходил ли он в действительности или, что скорее, был сконструирован авторами третьей адхьяи на основе известного сюжета «Шатапатха-брахманы» (ŚBr, XI.6.3.11), где Шакалю постигает проклятие Яджнявалкьи.

Как уже говорилось, о двух противниках Яджнявалкьи известно, помимо их собственных и родовых имен, лишь чуть больше. Эти двое, без сомнения, особо почитаемые в упанишадах брахманы-наставники, особенно если мы говорим о ранних упанишадах как об особом пространстве текста. Дело в том, что первый из них, Ушаста Чакраяна (BṛhU, III.4), в «Чхандогья-упанишаде» (ChU, I.10–11), где он зовется Ушаста Чакраяна (скр. **Uṣasti Cākṛāyana**), – герой-протагонист, знающий Брахман. Характерно, что там о своем «пребывании в Брахмане» Ушаста Чакраяна предупреждает жрецов уже знакомой нам по рассмотренному эпизоду угрозой «отпадения головы» (ChU, I.10, 9–11); жрецы, вняв предупреждению, обращаются к нему за наставлением без боя (ChU, I.11, 4–9). Что же касается Уддалаки Аруни, этот персонаж фигурирует в ранних упанишадах неоднократно. Это учитель самого Ваджасанейи Яджнявалкьи (BṛhU, VI.3, 7; 5, 3). Не исключено, что Уддалака Аруни и есть тот самый Гаутама (BṛhU, VI.2), получивший истинное знание от кшатрия Праваханы Джайвали: некий Гаутама назван отцом Шветакета Арунея, а Уддалака Аруни и есть его отец – об этом прямо говорится в «Чхандогья-упанишаде» (ChU, VI). Тот же сюжет присутствует в ChU, V, 3–10; там также отцом Шветакета Арунея назван некий Гаутама (как и в BṛhU, VI.2). Любопытно, однако, что в ChU, V, 11–24 Уддалака Аруни получает истинное знание не от Праваханы Джайвали, а от кшатрия Ашвапати Кайкея – налицо расхождение, возникшее, как это случается при трансляции устной традиции, в процессе сложения текстов. По-видимому, для авторов в этих эпизодах были важны не сами имена наставников (к тому времени уже легендарных), а то, что в начале каждой ветви традиции непременно стоит кшатрий – это служит знаком ее подлинности. Третьим кшатрием, посвятившим брахманов в истинное учение о Брахмане, в упанишадах числится Аджаташатру из Каши (BṛhU, II.1).

Так или иначе, логика авторов третьей адхьяйи «Брихадараньяка-упанишады» ясна: противники Яджнявалкьи – лица для традиции ранних упанишад «маркированные», особо важные, а только персонажи такого уровня и смогут продемонстрировать, что Яджнявалкья – воистину *брахмиштха*, одного Шакальи для решения этой задачи мало.

А теперь, после проведенного анализа, попробуем сравнить обе традиции – раннебуддийскую палийскую и традицию ранних упанишад, но не в целом, а именно по тем пунктам, которые мы рассмотрели.

Первое: бросается в глаза смысловое сходство терминов **tathāgata** 'в «таковом» (незыблемо) пребывающий' и **brahmīṣṭha** 'пребывающий сознанием в наивысшей сути Брахмана'. Смысловая разница в том, что в брахманистской традиции «такое» поименовано, а не табуировано, как в первом случае. Видно, что понятие *татхагата* обладает неизмеримо большим объемом, чем понятие *брахмиштха*, и потенциально, в пределах Индии, универсально и интеррелигиозно. А раз так, то с большей

вероятностью термин *брахмиштха* происходит от термина *татхагата*, а не наоборот. Ведь термин *татхагата*, хотя и ассоциируется сейчас исключительно с буддизмом (а точнее с Буддой), – древний, добуддийский, на чем недвусмысленно настаивает палийский канон. Вдобавок на раннем этапе, как явствует из канона, он является достоянием именно народной религии. Вспомним, шрамана Готаму как *татхагату* опознает именно народ, простые прохожие, которые в итоге и доносят «славу» (*киттисадду*) до царского двора (см. выше). Возможно, обозначать «абсолютное» как «таковое» придумали шраманы, а может быть – миряне, дабы не путаться в дефинициях, просто назвали его «таковым». Сейчас судить трудно. Так или иначе, в итоге термин *татхагата* закрепился именно в буддизме, но масса прочих основополагающих терминов (*буддха(и)*, *дхарма*, *чакра*, *чакравартин*, *сутра*, *тапас*, *шила*, и т.д.), бытовавших в народных религиозных представлениях, так и остались интеррелигиозными.

Иное дело – *брахмиштха*. Этот термин сначала бытовал в специфической маргинальной среде приверженцев упанишад (ее нельзя назвать брахманской, так как в числе учеников были даже шудры), на краю брахманистского мира (и идейно, и географически, да и ландшафтно – в лесу). Несмотря на огромное последующее влияние упанишад на формирование индуизма, в числе основных терминов последнего *брахмиштха* не значится. В свете этого терминологическая эволюция **tathāgata** > **brahmiṣṭha** очень вероятна (обратное происхождение выглядит куда менее правдоподобным).

Второе: функция *татхагаты* и *брахмиштхи* в качестве носителя и стража «правды». Наличие подобного института в связи со словесным поединком в Древней Индии, видимо, в числе прочего помешало философии отделиться от религии и выродиться в софистику. Философия в Древней Индии – это всегда вероучение.

Третье: кара для нечестивца, смеющего в присутствии *татхагаты* (*брахмиштхи*) говорить «неправду», причем обрушивается она непременно на *голову*. Это самые загадочные места в цитированных текстах. С одной стороны, о том, что Шакалья погиб, «Брихадараньяка-упанишада» говорит недвусмысленно, да и Амбаттха пугается смертельной опасности. Но с другой стороны, гибель его явно не носит насильственного характера, более того, *брахмиштха* ли, *татхагата* ли – никогда не забывают предупредить об опасности.

И четвертое: как и буддийское учение, традиция упанишад в соответствии с *собственным* священным преданием имеет кшатрийское, а не брахманское происхождение (причем и те и другие гордятся этим). Эта проблема чрезвычайно интересна и связана с генезисом традиции упанишад. Впрочем, этот вопрос уже выходит за рамки данной статьи и требует отдельного исследования.

Список сокращений

пал. – палийское
скр. – санскритское
BrhU – Bṛhadāraṇyaka-Upaniṣad («Брихадараньяка-упанишада»)
ChU – Chandogya-Upaniṣad («Чхандогья-упанишада»)
DN – Dīgha-Nikāya («Дигха-никая»)
ŚBr – Śatapatha-Brahmana («Шатапатха-брахмана»)

Литература

1. Выршиков Е. Г. Термин «татхагата» и ситуация словесного поединка в Древней Индии: кто такой татхагата? *Ориенталистика*. 2018;1(3-4):394–401. DOI: 10.31696/2618-7043-2018-1-3-4-394-401.
2. Жутаев Д. И. Индийские корни литературы сутр об именах будд: к истории формы. В: Иванов В. В. (ред.) *Древние культуры Восточной и Южной Азии*. М.: Издательство МГУ; 1999. С. 54–76.
3. Жутаев Д. И. Размышления о структуре раннебуддийского доктринального текста. В: Вертоградова В. В. (ред.) *Индия – Тибет: текст и вокруг текста. Рериховские чтения 2002 (юбилейные) в Институте Востоковедения РАН*. М.: Институт востоковедения РАН; 2004. С. 99–134.

References

1. Vyrshikov Ye. G. The Term “Tathagata” and the Situation of the Verbal Duel in Ancient India: Who is the Tathagata? *Orientalistica*. 2018;1(3-4):394–401. (In Russ.) DOI: 10.31696/2618-7043-2018-1-3-4-394-401.
2. Zhutaev D. I. Indian roots of literature of the sutras on the names of the Buddhas: the history of the form. In: Ivanov V. V. (ed.) *The ancient cultures of East and South Asia*. Moscow: Moscow State University; 1999, pp. 54–76. (In Russ.)
3. Zhutaev D. I. Reflections on the structure of the early Buddhist doctrinal text. In: Vertogradova V. V. (ed.) *India – Tibet: text and around text. Roerich readings 2002 at the Institute of Oriental studies of RAS*. Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; 2004, pp. 99–134. (In Russ.)

Информация об авторе

Выршиков Евгений Геннадиевич, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Отдела истории и культуры Древнего Востока, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Information about the author

Yevgeniy G. Vyrshikov, PhD, Senior Research Fellow, Department of History and Culture of the Ancient East, Institute of Oriental studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 7 октября 2018 г.
Одобрена рецензентами: 8 ноября 2018 г.
Принята к публикации: 14 января 2019 г.

Article info

Received: October 7, 2018
Reviewed: November 8, 2018
Accepted: January 14, 2018